

Пушкин внимательно, насколько мог в своей ссылке, следил за спорами вокруг глубоко волновавших в эту пору его самого проблем романтизма, «народности», и, в прямой связи с этим, отношения к Шекспиру³, в частности за статьями Кюхельбекера, считая его «человеком ученым и умным», с которым можно не соглашаться (XI, 41), но нельзя не считаться. Находил он в его статьях и мысли, себе близкие (например, противопоставление Шекспира Байрону).

Но восторженными оценками Шекспира Кюхельбекер не ограничился. Года полтора спустя после статей в «Мнемозине», в конце 1825 г., вышла в свет его пьеса «Шекспировы духи». Это была еще одна после Сумарокова и Екатерины II попытка сблизить русскую литературу с Шекспиром, принятая на этот раз поэтом-романтиком. Однако «шекспиризм» «драматической шутки» Кюхельбекера, в отличие и в противоречие с его критическими высказываниями, оказался весьма ограниченным и односторонним. Из «вселенной» творческого наследия Шекспира он взял самую малую и отнюдь не главную его часть: заимствовал из двух его пьес («Сон в Иванову ночь» и «Буря»), приводивших в особое восхищение «иенских романтиков», но при всей своей поэтичности весьма далеких от того, что делало Шекспира Шекспиром (его трагедий и исторических хроник), легендарные образы «духов» природных стихий — эльфов и т. п. С этой-то шекспировской «романтической мифологией», более близкой «к европейским народным преданиям, повериям, обычаям», чем греческое «баснословие», Кюхельбекер, как писал об этом в предисловии, и захотел в первую очередь «познакомить русских читателей», поскольку «мир поэзии не есть мир существенный, поэту даны во власть одни призраки»⁴. Известие о появлении пьесы Кюхельбекера вызвало любопытство Пушкина («Что такое его „Духи“?» — запрашивал он А. А. Бестужева — XIII, 245). Однако, получив пьесу от автора, он отнесся к ней резко неодобрительно: «Кюхельбекера Духи, — дрянь; стихов хороших очень мало, вымысла нет никакого» (XIII, 249). И дело было не только в художественной слабости пьесы, а в совершенно неприемлемом для Пушкина понимании ее автором того, что он называл «истинным романтизмом» (выражение, употребленное им независимо от Пушкина и, видимо, даже раньше его). «Я написал трагедию и ею очень доволен, но страшно в свет выдать — робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма», — сообщает поэт в только что цитированном письме Бестужеву, добавляя: «...сколько я ни читал о романтизме, всё не то; даже Кюхельбекер врет» (XIII, 244—245).

Действительно, сопоставляя только что опубликованную пьесу «истинного романтика», каким он себя считал, Кюхельбекера (в таком сопоставлении она обретает определенный историко-литературный интерес), устремившегося вслед за Шекспиром-фантастом в мир «призраков», с только что законченной «истинно-романтической трагедией» Пушкина, полностью обращенной — с опорой на опыт Шекспира-трагедиографа — в «мир существенный», наглядно ощущаешь не только всю разницу смыслов, которые вкладывают в один и тот же употребляемый обоими термин два поэта-современника, но и то громадное расстояние, которое отделяет далеко ушедшего вперед, по существу, уже реалиста, Пушкина от «мифологического» романтизма Любомудров.

Известие о появлении болгаринского театрального альманаха, как раз совпавшем с раздумьями поэта над замыслом исторической трагедии, особенно заинтересовало его. В письмах к брату он настойчиво просил прислать «Русскую Талию», а, когда, наконец, почти полгода спустя получил ее, можно думать, сразу же прочел «Разговор» издателя.

³ Подробнее об этих спорах см. *Левин Ю. Д.* Литература декабристского направления — В. К. Кюхельбекер. — В кн.: Шекспир и русская культура, под ред. акад. М. П. Алексеева. М. — Л., «Наука», 1965, с. 129—161.

⁴ Пьеса посвящена Грибоедову. См. *Кюхельбекер В. К.* Избр. произведения в двух томах. М. — Л. «Советский писатель», 1967, т. 2, с. 141—143.